

Какой еще оживший покойник?

Откуда вообще взялся труп?

Юй Юй ничего не понимал.

На самом деле, еще до того, как вся процессия подошла к покоям Юй Юя, госпожа Жун велела нескольким расторопным слугам пойти в обход, тайком проникнуть во двор и без лишнего шума отыскать Янь Ваньчжоу.

Она полагала, что если предъявить неопровержимые улики, то сколько бы Юй Юй потом ни плакал и ни отпирался, против фактов он будет бессилён.

Глядя на перекошенные от ужаса лица слуг, Юй Юй наконец обо всем догадался: вот оно что! Неудивительно, что они не бросились сразу обыскивать двор, – хотели сначала заполучить доказательства и застать его врасплох.

Вот только госпожа Жун просчиталась в одном: Янь Ваньчжоу, которому полагалось быть при смерти, сейчас как ни в чем не бывало стоял перед всеми!

Из-за спин слуг показался тонкий силуэт: кто-то неспешно вышел из бокового флигеля. Тонкий халат мешковато висел на исхудавшем теле, однако спина оставалась пряма, как струна. Волосы были небрежно связаны, и несколько прядей спадали на бледные щеки, а ладонь по-прежнему стягивала пропитавшаяся кровью ткань.

Юй Юй удивился: он никак не ожидал, что главный герой выйдет сам.

Мальчик невольно поднял взгляд и встретился со спокойными глазами Янь Ваньчжоу.

В этом взоре не читалось ни страха, ни ненависти, вообще ничего. Но уже в следующее мгновение юноша отвел глаза и опустил ресницы; рассыпавшиеся пряди бросили тень на его лицо.

Под взглядами присутствующих Янь Ваньчжоу с видимым трудом склонился в поклоне.

Затем опустился на колени и застыл, не произнося ни слова.

Слуге и так не подобало раскрывать рот перед господами, а уж столь ничтожному существу – и подавно.

Его появление погрузило двор в мертвую тишину.

С холеного лица госпожи Жун мигом сошли все краски. Господин Юй переводил взгляд с аккуратно перевязанных ран Янь Ваньчжоу на его прямую спину – разве так выглядит человек, перенесший жестокие истязания? Сразу видно, что о нем как следует позаботились! Вспомнив уверенные обвинения госпожи Жун и Юй У, глава дома ощутил, как в душе зашевелились сомнения.

Юй У и вовсе вытаращил глаза, его личико то бледнело, то краснело.

Как такое возможно?

Он... он ведь своими глазами видел: когда прошлой ночью Юй Юй и А-Цин притащили этого раба, Янь Ваньчжоу был уже одной ногой в могиле!

Юй Юй тоже был поражен, однако, полюбовавшись вытянувшимися физиономиями собравшихся, нацепил на лицо невинную детскую улыбку и звонким голосом произнес:

— Отец, тетя Жун, вы его искали? Вчера, упав в воду, я многое переосмыслил. Этот раб хоть и провинился передо мной, но все же он живой человек. Вот я и велел принести его сюда, чтобы подлечить.

От этих слов у всех стали такие лица, будто им вlepили невидимую, но звонкую пощечину.

Услышав это, Янь Ваньчжоу слегка сжал пальцы, спрятанные в рукавах.

«... Он ведь отчетливо помнил, как прошлой ночью потерял сознание на соломе в конюшне. Однако поутру очнулся на мягкой, чистой постели, в свежих одеждах, а раны были тщательно промыты.

Подлечить?

Третий молодой господин... спас его?»

В памяти всплыли унижения последних месяцев. Как мог Юй Юй внезапно перемениться? Юноша решительно не понимал, что происходит.

Лицо Янь Ваньчжоу оставалось бесстрастным. Единственное, в чем он не сомневался: для этих изнеженных, купающихся в роскоши господ слуги – не более чем говорящий скот.

Шум во дворе поднялся изрядный, привлекая все больше любопытных слуг и родственников. Люди начали перешептываться. Кому в доме не известен скверный нрав третьего молодого господина? Не только господин Юй, но и все зеваки вокруг отказывались верить своим глазам: неужели солнце взошло на западе?

Но как бы там ни было, Янь Ваньчжоу в добром здравии стоял на коленях прямо перед ними.

А Юй Юй продолжал без умолку щебетать:

— Отец, но одного Юй-эр никак не поймет: зачем четвертому брату вам врать?

Господин Юй машинально возразил:

— С чего бы твоему брату врать?

«С чего бы твоему бра-а-атику вра-а-ать...»

Юй Юй мысленно усмехнулся: даже в такой ситуации господин Юй первым делом бросился выгораживать Юй У. Отцовская предвзятость просто пробивала небеса.

— И то правда, с чего бы братику врать? — С неприкрытым сарказмом протянул он.

— Н-не может быть... — пробормотал Юй У с таким выражением, будто увидел призрака. — Прошлой ночью ведь точно...

Договорить он не успел: госпожа Жун ловко и быстро зажала ему рот ладонью.

— У-эр, должно быть, просто ошибся, — беря себя в руки, выдавила натянутую улыбку госпожа Жун. — Он ведь еще совсем дитя...

Эти слова сработали как спусковой крючок. Юй Юй скривил губы, глаза тут же наполнились слезами, и по щекам покатились крупные капли:

— Значит, по-вашему с тетей Жун, четвертый брат врать не может, а я — сплошной лгун, да?!

— Брат маленький, а Юй-эр что, взрослый?!

Только тут все вспомнили, что Юй Юй старше Юй У всего на год.

Оба дети, так почему же к Юй Юю проявляют такую строгость?

Голос мальчика срывался на неподдельный детский плач, слезы катились градом:

— Я ведь спас человека, а папенька верит чужим людям, а не мне...

Госпожа Жун и Юй У – эти самые «чужие люди» – растерянно переглянулись.

Юй Юй заливался слезами, а сам в душе ликовал.

Быть капризным ребенком чертовски удобно: слезы по щелчку пальцев, истерика по любому поводу – взрослым такие привилегии и не снились.

К тому же он ребенок, чересчур умным казаться нельзя; капелька своенравия идеально укладывается в образ.

Внезапная вспышка ошеломила всех. А Юй Юй заходился все пуще, демонстрируя потрясающий объем легких, и в конце концов плюхнулся прямо на землю, беспорядочно суча коротенькими ножками:

— Вы все меня обижаете! Старшей сестры нет дома, вот вы надо мной и издеваетесь! Я все расскажу старшей сестре и второму брату! У-у-у-у!

От этого рева у господина Юя голова пошла кругом, а при упоминании старшей дочери он тут же вспомнил ее наказ перед отъездом. — Ну полно, полно, Юй-эр, не плачь... — Он с досадой потер виски и попытался поднять сына на руки, но ребенок с силой оттолкнул его.

Юй Юй смахнул отцовскую руку.

— Не нужен мне папенька! Папенька меня не любит! Только матушка за меня заступалась, хочу к матушке!

Сердце господина Юя болезненно сжалось.

Дети без родной матери всегда вызывают жалость. Эти прерывистые всхлипы били прямо в сердце – при всей своей предвзятости он уже не мог вымолвить ни единого строгого слова. Поглаживая Юй Юя по спине, он обернулся и гневно прикрикнул на госпожу Жун:

— Погляди, что ты натворила!

— Господин... — Госпожа Жун похолодела, понимая, что из нее сделали козла отпущения. Ее тонко подведенные брови бессильно опустились, и она жалобно всхлипнула:

— Это все моя вина...

Обстановка тут же изменилась. Перепуганный Юй У с покрасневшими глазами прикусил губу, изо всех сил стараясь не разрыдаться.

Господин Юй сухо кашлянул и с суровым видом обратился к Юй У:

— А ну живо проси прощения у третьего брата!

Коль скоро все оказалось простым недоразумением, продолжать разбирательства господин Юй не желал – хотелось поскорее замять дело.

Если домашние дразги просочатся наружу, позора не оберешься.

Юй Юй мысленно усмехнулся: какое трогательное двоемыслие!

Мать с сыном в открытую сговорились против него, и когда только что клеветали, вели себя совсем иначе, а господин Юй отделяется легким выговором.

Оба – его родные сыновья, но плетей должен был отхватить именно третий молодой господин?

Куда подевались кнут и праведный гнев этого старикана?

— Третий брат... прости меня... — помявшись, едва выдавил сквозь зубы Юй У.

— Между братьями не должно быть кровной вражды, — заметно смягчился господин Юй. Он погладил Юй У по голове, вполне довольный тем, что ребенок признал вину.

Наблюдавший за всем этим второй дядя тоже решил вставить слово:

— Юй-эр, видишь, брат уже извинился. Семья должна жить в мире и согласии, не стоит разрушать родственные узы из-за такого пустяка.

— И то верно, и то правда.

— Свои же люди в конце концов.

Юй Юй вовсе не собирался позволять этим миротворцам все замять. Нахмутив брови, он включил скверный характер прежнего владельца тела на полную мощность:

— Только что папенька чуть не засек меня плетью, а четвертому брату достаточно сказать «прости»? И никакого наказания?!

— Плеть тебя даже не коснулась! — обиженно огрызнулся Юй У. — Досталось-то тому слуге!

— Замолчи! — раздраженно оборвал его господин Юй, видя, что спустить дело на тормозах не выходит. Сдерживая досаду, он принялся уговаривать Юй Юя:

— Юй-эр, подумаешь, какой-то слуга. Забудь.

Янь Ваньчжоу стоял на коленях на ледяных каменных плитах. Колени давно онемели, а шумные споры вокруг доносились словно сквозь толстую пелену – глухо и далеко. Его мысли витали совсем в другом месте.

Никто не обращал внимания на то, сколько времени слуга провел на коленях, – точно так же никто не считает, сколько раз топтали придорожную траву.

Если существо вроде него забьют до полусмерти, в ответ прозвучит лишь небрежное «забудь».

Колющая боль в ладони отрезвляла Янь Ваньчжоу, странным образом возвращая ощущение твердой почвы под ногами и напоминая о том, что нельзя тешить себя несбыточными надеждами.

Пока он блуждал в своих мыслях, тишину прорезал звонкий детский голос:

— А вот и не забуду!

<http://bllate.org/book/21541/2215392>